

Цзян Юйцзинь, охваченный паникой, изо всех сил старался сохранить невозмутимость и, дрожа, попытался отдернуть руку.

— Не уходи... — прохрипел Вэй Хуай. Его взгляд был затуманен, а в голосе слышалась отчаянная мольба. Он резко схватил Цзян Юйцзиня за руку и с силой дернул на себя.

— Ой!

С вскриком потеряв равновесие, Цзян Юйцзинь рухнул прямо на Вэй Хуая. Испугавшись не на шутку, он вытаращил глаза и, подобно нахохлившемуся котенку, замер, не в силах оторвать взгляд от красивого лица, оказавшегося совсем рядом.

В этот момент Вэй Хуай был в полузабытьи. Он лишь подсознательно стремился удержать то тепло, которое вызывало в нем такую острую тоску. С самого детства он жил, постоянно оглядываясь на чужие взгляды, и никогда не знал ни заботы, ни ласки. Из-за физического уродства отец презигал его, постоянно избивая и унижая. Отношение матери было еще более странным. В ее глазах, обращенных к нему, никогда не было любви — лишь жалость. Она часто смотрела сквозь него, словно видя кого-то другого, и подолгу плакала, обнимая его. Он прекрасно понимал: она обнимала не его, а того, о ком тосковала. Материнские объятия могли быть теплыми, но он не чувствовал этого тепла, потому что знал — оно предназначено не ему. Вэй Хуай был одинок. Он никогда не думал, что прикосновение к живому теплу может быть таким приятным, словно это была его личная гавань, где можно забыть о всех тревогах и боли.

— Так тепло... обними меня, прошу, — прошептал Вэй Хуай, с блаженным вздохом чувствуя исходящий от парня жар.

— Хм, ну ладно, так и быть, я человек добрый, так что... так и быть, позволю тебе немного подержаться! — пробормотал Цзян Юйцзинь, густо покраснев и приняв горделивый вид.

Его сердце колотилось, словно пойманный зверек. Дыхание Вэй Хуая, щекодавшее макушку, и крепкие мышцы, ощущавшиеся даже сквозь тонкую ткань, приводили его в смятение. Он не смел и не хотел сопротивляться, превратившись в живую подушку, лишь бы тому было удобнее. Вскоре дыхание Вэй Хуая выровнялось — он уснул.

Но Цзян Юйцзинь не шевелился. Прошло около получаса, его тело затекло. Убедившись, что человек под ним спит крепким сном, он с облегчением выдохнул, покраснел еще сильнее и осторожно приподнял голову, чтобы рассмотреть лицо спящего.

— Какой же он красавец...

Отец не требовал от него менять внешность в этом мире, лишь немного уменьшил рост, так что лицо осталось прежним. Он пошел в отца, Пэй Яня: изящный, ослепительно красивый, с чертами лица, в которых трудно было угадать пол — ничего общего с образом brutального мужчины. С тех пор как Цзян Юйцзинь научился принимать человеческий облик, он питал

слабость к статным и мужественным мужчинам. Это можно было считать своего рода странностью, сродни поклонению мужскому началу, как символу жизненной силы. И именно такой типаж — внешность, характер, фигура Вэй Хуая — идеально попадал в его эстетический идеал. Конечно, он был слишком наивен, чтобы осознать, что это влюбленность, полагая, что им движет лишь восхищение.

Чем дольше он смотрел, тем быстрее билось сердце. Неконтролируемое чувство жажды заставило его пересохнуть в горле, а внизу живота разлилось странное онемение.

Сглотнул.

Он сглотнул слюну и, не решаясь больше смотреть, поспешно поднялся с Вэй Хуая. Пройдя в ванную, он набрал горячей воды, чтобы обтереть его. Несмотря на кондиционер, после недавнего пота тело стало липким и неприятным.

Выжав полотенце, Цзян Юйцзинь принялся осторожно протирать лицо спящего. Его мягкие пальцы, чувствуя тепло через ткань, скользили по лбу, густым черным бровям, глубоким глазницам, прямому носу, плотно сжатым тонким губам... Мягкость губ заставила его сердце снова забиться в бешеном ритме.

Такие мягкие. Хочется попробовать... Должно быть, очень вкусные.

Цзян Юйцзинь невольно сглотнул, его взгляд потемнел. Он был готов, сам того не осознавая, коснуться пальцем его рта.

Вэй Хуай во сне почувствовал легкое щекотание, словно от перышка — приятно и необычно. Он издал удовлетворенный сток. Этот звук напугал Цзян Юйцзиня, который тут же отдернул руку, как нашкодивший ворышка, и испуганно уставился на него.

Фух... Не проснулся.

Надо поскорее закончить. Если он будет медлить, то боится, что не сдержится и, приняв свой истинный облик, проглотит Вэй Хуая целиком.

Фигура у Вэй Хуая была потрясающей: даже растянутая футболка смотрелась на нем как облегающий наряд. Все дело было в мощных грудных мышцах. Отбросив дурные мысли, Цзян Юйцзинь приподнял край его одежды до груди. Красота, открывшаяся перед ним, лишила его дара речи. Хотя он уже видел это однажды, желание обладать этим телом не утихло, а разгорелось еще сильнее.

Тук-тук-тук...

В тишине медпункта звук его сердца казался оглушительным, словно барабанный бой. От

напряжения ладони вспотели, он вытер их об одежду, снова намочил полотенце и продолжил обтирание — сантиметр за сантиметром, словно совершая священный ритуал. То, что обычно занимало несколько минут, он делал с предельной осторожностью, как будто перед ним величайшее сокровище. От простого обтирания он взмок, тяжело дыша, будто пробежал полтора километра.

Жарко... Неужели кондиционер сломался?

Цзян Юйцзинь помахал рукой у лица и посмотрел на прибор. Двадцать два градуса — идеальная температура, словно насмешка над его невежеством.

Теперь оставалось самое сложное — нижняя часть тела.

Он нахмурился, сменил воду и вернулся к кровати. Забравшись на нее, он потянулся к брюкам Вэй Хуая. Но едва его пальцы коснулись пояса камуфляжных штанов, как его руки были намертво схвачены стальной хваткой. Сила была такой, что казалось, кости сейчас хрустнут.

Цзян Юйцзинь в ужасе поднял глаза и встретился с полным убийственной ярости взглядом Вэй Хуая.

— Ты что творишь!

Холодный, пробирающий до костей голос прозвучал как удар кнута.

— Я... я...

Хотя он хотел как лучше, его растерянный вид и заикание выглядели так, будто он действительно замыслил нечто грязное. В душе Вэй Хуая бушевала ярость. У него возникло реальное желание убить Цзян Юйцзиня. Еще чуть-чуть — и его штаны были бы сняты, а тайна, которую он так тщательно скрывал, оказалась бы раскрыта. Этот подонок Цзян Юйцзинь наверняка использовал бы это как инструмент шантажа, а то и вовсе сделал бы фото, чтобы опозорить его перед всеми. Его спокойной жизни пришел бы конец.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее становилась жажда убийства, и его пальцы сжались еще крепче.

— Больно! Отпусти! — Цзян Юйцзинь, всхлиывая от боли, с покрасневшими глазами уставился на Вэй Хуая.

— Проваливай!

Вэй Хуай, полный отвращения, с силой швырнул его с кровати.

<http://bllate.org/book/18834/1833761>